

ки. Юного сатирика одушевлял все тот же высокий романтический идеал мира духовной красоты и высшей истины, который неоспоримо для него противостоял обыденной житейской пошлости. Только на смену миру условной художественной действительности, романтическому негодованию и трагическому тону поэтической речи — со сменой носителя точки зрения — пришли фантасмагорически абсурдные декорации жизненных «химер», бурлескное «комическое одушевление» и ёрнические интонации театра буфф.

Но некрасовский «провинциал в столице» Феоклит Онуфрич Боб («Провинциальный подьячий в Петербурге»), «титულлярный советник А. Ф. Белопяткин» из его «Говоруна», «рекламатор» «Кабинета восковых фигур...» и недалекий крестьянин, в 1812 году «кулаками ухлопавший мусью» вместе с его «женой и щенками» («Так, служба!..»), обретший свое бытийное место в пространстве табели о рангах «Чиновник», персонажи «Отрывка» (1844) уже обнаруживают настойчивый интерес поэта к «конструктивным компонентам» и «параметрам»¹⁰ позиции человека рутинной повседневности — будь то малокультурный провинциал, мещанин, лакей, простак, человек, поглощенный бытом, или же социально-амбициозный идеолог, идейный паразит, убежденный рутинер. А ключевое стихотворение «Стишки, стишки! Давно ль и я был гений...» (1845) в рассматриваемом отношении прямо являет собой демонстративный отказ поэта от позиции и критериев высокого романтического идеала в суждениях о жизненных фактах и человеческих устремлениях.

К чему это вело молодого автора? Непосредственнейшим образом к дальнейшему развитию форм социально-гуманистической сатиры. Герои-повествователи его стихотворений «Нравственный человек» (1848), «Вор» (1850), «Мое разочарование» (1851), «Признания труженика» (1854), «Первый шаг в Европу» (1860), «Из автобиографии... Рудометова 2-го» (1863—1866), «кающийся» Зацепа в поэме «Современники» (1875) продолжают в позднейшем творчестве Некрасова прежде выработанную им «саморазоблачительную» линию. Правда, можно заметить, что зрелая сатира поэта организуется большей частью уже не в формах «саморазоблачения» персонажа, а посредством обращения поэта, казалось бы, к не менее традиционным «подсудным» моральным и социальным типам (герои) и извне «судящему» сознанию (повествователь).

Какой, однако, смысл приобретают эти формы? Во втором, представляющемся магистральным направлением развития некрасовской сатиры специфичным для поэта оказывается отнюдь не общесатирическая эстетическая позиция — неприятие, отрицание, хуление пороков, развенчание их носителей выразителем контрастно утверждаемых идеалов. Некрасов более всего озабочен вскрытием жизненной логики антигуманных реакций, мнений и поступков своих героев, полнотой проявления закономерной ложности их убеждений. Об этом наглядным образом свидетельствуют уже первые значительные некрасовские стихотворные новеллы «В дороге» (1845) и «Псовая охота» (1846), такие написанные поэтом впоследствии «истории в стихах», как «Прекрасная партия», «Влас» (1855), «Убогая и нарядная» (1857), «Папаша» (1860), «Горе старого Наума» (1874), собственно сатиры «О погоде» (1858—1865), «Газетная» (1865), «Песни о свободном слове» (1865—1866), «Балет» (1866), поздние некрасовские «притчи» и «сказки».

¹⁰ Ср. истолкование используемой терминологии: Тмарченко Н. Д. Компонент и композиция. Точка зрения и перспектива // Теория литературы: В 2 т. М., 2004. Т. 1. Ч. 2. С. 211.